ИСТОРИЯ

Руссев Н. Д.

Узкие места понимания истории Молдавии: эпоха до создания государства

Авторское резюме: В понимании истории развития Молдавии, в частности особенностей этапа, предшествующего созданию ее государственности, имеется немало узких мест, связанных со существованием различных точек зрения, так или иначе хотя бы отчасти строящихся на отрицающих друг друга утверждениях.

Один из аспектов проблемы – романизация, которая скрывает тайны ряда локальных процессов, с трудом поддающихся глубокому изучению из-за дефицита источников и острого идейно-политического звучания тематики. Другой сложный вопрос касается славяно-волошского взаимодействия в Карпато-Балканском регионе, характерные черты которого обнаруживаются на фоне особенностей государственного становления Византии, Болгарии и Древней Руси. Феномен регулярных миграций восточных романцев в значительной мере обусловил культурно-историческое своеобразие этого населения, но до середины XII в. к востоку от Карпат оно не проявляло себя в полной мере.

Во времена формирования и подъема Галицкой Руси территория будущей Молдавии становится ареной для развития волошских историй. При этом в ряде случаев их развитие, несомненно, переплетается и порождает большое этнокультурное разнообразие, ведущее к новым трудностям в трактовке и понимании исторических реалий. Похоже, что молдавский вектор является всего лишь одним из направлений местного политогенеза с определяющим участием волошского и славянского факторов.

Ключевые слова: *Галицкая Русь, волохи / влахи, молдаване, Карпато-Днестровские земли, Молдавия, понимание истории, римляне, романизация, русины, славяне.*

«Если ясное и очевидное само по себе объясняет, то загадка будит творческую мысль»
Стефан Цвейг

Узкое место, как объясняют словари, – слабая, а потому уязвимая сторона того или иного объективного явления, которая обычно создает затруднения у активных субъектов. В случае с историей Молдавии сложности возникают в связи с неоднозначностью понимания, а, следовательно, и толкования протекавших в Карпато-Днестровских землях длительных социальных процессов – тех, которые привели к появлению молдавской этнокультурной общности и ее государственности, твердо зафиксированной источниками со второй по-

ловины XIV в.

Проблема множественности трактовок одних и тех же исторических фактов давно интересует выдающихся мыслителей разных стран мира. Например, теоретик и идеолог русского народничества П.Л. Лавров (1823-1900) противопоставлял художественный взгляд на историю ее научно-философскому осмыслению. Он утверждал, что понимание исторического процесса «ставит непременным условием для различения каждой эпохи и для каждой личности всех элементов, относительная роль которых обусловливала события в их совокупности». Писавшему под псевдонимом ученому конечная цель виделась в том, чтобы «понять историю в целости ее совершившегося уже процесса» (Арнольди 1898: 9-10).

Различное понимание истории, порождающее многочисленные противоречия и даже конфликты интерпретаций, знаменитый либеральный философ прошлого века П.Р. Поппер (1902-1994) относил к созданному человеческой мыслью «третьему» миру, или миру идей. Понимание истории как совокупности человеческой деятельности – чрезвычайно сложно, поскольку непосредственно связано с «фоновым знанием» породившего его культурного контекста, а значит неизбежно выходит на высший проблемный уровень – «проблему о проблеме» (см. Быстрицкий 1982: 142-149).

В створе такого рода соображений представляется целесообразным вновь оценить трудности научных интерпретаций особенностей путей Молдавии (как издревле обитаемой страны) к созданию собственного государства. Карпато-Днестровский регион в качестве места этого исторического события характеризуется богатым природным разнообразием и на протяжении последних тысячелетий обладает устойчивыми связями с десятками стран Старого Света. Это обусловило притягательность территориально небольшого края для многих народов с совершенно несходными способами адаптации к естественной среде. Хотя пространство от Карпатского хребта до берегов Днестра на протяжении столетий часто становилось ареной острых военных столкновений, победителям никогда не удавалось освоить завоеванные земли целиком. В социальном отношении регион практически всегда оставался столь же многоликим, как его природа.

История общественного развития в своеобразной среде – «на грани миров» – вызывает не ослабевающий интерес исследователей со времен молдавских летописцев и Димитрия Кантемира (1673-1723). Доказательством того, что остро дискуссионная тема по-прежнему остается далеко не исчерпанной, служат обобщающие работы, в том числе и учебного характера, изданные в последние десятилетия главным образом учеными Молдовы и Румынии (например, ИРМ 2015; ИМ 2016; ИР 2005).

Собственно говоря, линия раздела между разного рода концептуальными схемами возникает при оценке роли этнических, социальных, экономических и религиозно-политических факторов в исторической эволюции населения

Карпато-Днестровских земель, а также этапов этого длительного процесса, охватывающего в общей сложности около двух тысячелетий.

Решение спорных вопросов – трудная задача при отсутствии достоверной информации или чрезвычайно скудном и неравномерном освещении всего комплекса перечисленных проблем в исторических источниках. К тому же в ситуации почти неизбежного идеологического давления на исследователей (зачастую вдохновенного и освященного государством) возрастает мифотворчество о прошлом, в плену которого историография оказывалась многократно уже с середины XIX в.

Коль скоро в настоящей статье предметом внимания является история Молдавии догосударственной эпохи, ее целесообразно рассматривать, исходя из принципа – от известного и очевидного к малоизвестному и спорному. По этой причине логично выделить блок событий и сведений о них, относящихся к 1359-1861 гг. На этом продолжительном (в пять веков!) отрезке времени Юго-Восточной Европы реально существовала страна, официальное наименовавшаяся «Молдавия» и обладавшая всеми характерными для той эпохи атрибутами государственности. С этой точки зрения ретроспективный взгляд на проблему предыстории молдаван имеет никак не меньше объективных оснований и глубокого смысла, чем давний поиск объяснений исторической загадки и чуда, именуемых «румынский народ» (см. Brătianu 1993).

1. Тайны локальной романизации. Изучение роли Рима в судьбах варварской периферии империи находится в фокусе внимания исторической науки не менее полутора веков, во всяком случае, со времени деятельности таких исследователей, как Фюстель де Куланж (1830-1889) и Теодор Момзен (1817-1903). Эти всемирно признанные ученые в соответствии с установками своей эпохи всячески подчеркивали благотворное воздействие завоевателей-римлян, активно приобщавших покоренные народы к достижениям античной цивилизации (см. Козленко 2000: 58). К классикам, безусловно, следует отнести и их не менее знаменитого современника – Фридриха Энгельса (1820-1895). Одно его высказывание многократно цитировали, но оно уместно и в данном контексте: «По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия… Римское правление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения…» (Энгельс 1884: 146-147).

Особенности римского господства в Карпато-Дунайском регионе, а также его значения для развития местного населения в следующие столетия оказались в центре длительных и весьма устойчивых интересов румынских ученых. Это не удивительно, поскольку с самого начала формирования современной Румынии очерченный круг вопросов на государственном уровне рассматривается, «как часть национальной истории» (см. ИАИ 1980: 386). Примечательно, что данная традиция заложена, прежде всего, политиками, литераторами и

журналистами, а уже вслед за ними углублена профессиональными историками.

В этой связи, рассмотрение процесса романизации вовсе не ограничивался провинцией Дакия, а чаще всего расширялось на все «гето-дакийское пространство». Это понятие искусственно сконструировано в кабинетах (подробнее: Ткачук 1996), а его географические границы порой не умещаются даже за пределах «Великой Румынии», в прошлом недолго простиравшейся от Тисы до Днестра (см. ИР 2005). К тому же в процессе «постепенной романизации гето-даков» выделяют три этапа: перед римским завоеванием, в период господства империи и после ухода римлян (ИРДВ 2001: 28). Столь своеобразное понимание исследовательской задачи, а равно и способа ее решения только подтверждает определение истории как «политики, опрокинутой в прошлое» (Покровский 1928. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/).

Если стать на почву твердо установленных фактов, то началом романизации древнего населения земель к северу от Дуная должно признать итоги жестоких дако-римских войн конца I – начала II вв. н.э., олицетворяемых с борьбой непримиримых соперников – императора и цивилизатора Траяна (98-117) против варварского царя Децебала (87-106). Созданная здесь после завоевания новая провинция Рима стала ареной для романизации избежавших истребления даков. Ассимиляция сделала из фракийцев «новых римлян», но они стали основой для формирования нынешнего румынского народа только тогда, когда к последней трети III в. империя отвела свои легионы за Дунай.

Так выглядит общий социологический каркас реконструкций, который почти при всякой попытке наполнения конкретным материалом, так или иначе, испытывает отторжение несовместимой с ним живой реальности. В то же время данной научной проблематике посвящена огромное количество работ, число которых за последние полвека быстро умножилось, в первую очередь благодаря археологическим исследованиям.

Вместе с тем, можно утверждать, что при всем обилии информации по теме, ранняя история восточных романцев остается остро дискуссионной, как и прежде. По этой причине список задач для исследователей будущего времени может оказаться очень длинным. Обозначу только некоторые актуальные проблемы, касающиеся развития Карпато-Днестровских земель и кажущиеся хотя бы отчасти разрешимыми уже в обозримой перспективе.

Рассуждая о том, как происходила и происходила ли романизация за пределами Дакии, включая территории будущей Молдавии, невольно приходиться обращаться к историографии. Приведу только один сформулированный довольно давно тезис: «Римляне всегда оставались к северо-востоку от устьев Дуная инородным меньшинством, не имевшим прочной опоры в среде населения, принудительная романизация которого скоро показала свою бесперспективность» (Карышковский, Клейман 1985: 94). Мне не удалось обнаружить в литературе опровержений авторитетного мнения. Высказывания по вопросу

обычно носят самый общий и довольно умозрительный характер. Именно они и проникли в учебно-справочные издания (ИРДМ 1992; ИРДВ 2001; ИР 2005). Конкретные данные, как правило, касаются единичных фактов и едва ли могут служить доказательствами этнической трансформации целых групп населения, находившихся вдали от известных римских центров в Дакии и Нижнем Подунавье.

Разноречивые трактовки вызывает и судьба населения Дакии после 271 г. Хорошо известно, что после эвакуации римской провинции на правобережье Дуная (в северо-западной части нынешней Болгарии) вновь появилась Дакия. Здесь поселили, по всей видимости, и бывших даков, с которых римский рубанок успешно «снял стружку» варварства, чтобы покрыть их легким слоем лака латинства. Другие выселенцы с севера попали в Далмацию и Верхнюю Мезию (ИЕ 1988: 647-648).

Тем временем на другой стороне великой реки германские племена захватили земли, где еще могли сохраняться «свободные» даки. В изменившейся политической ситуации регион находился около столетия. Отношения с варварами складывались сложно. На левобережье римляне возводили против них оборонительные сооружения, сворачивали пограничную торговлю и вели боевые действия. Когда в конце своего правления император Константин Великий (306-337) победил германцев, римлянами уже официально называли этот регион «Готия» (Колосовская 2000: 148-157).

В 375-376 гг. с востока вторглись кочевые орды гуннов, которые «сметали и разрушали все, что попадалось им на пути». Они сокрушили готов, в панике покинувших своего короля и толпами бежавших к римской границе (Томпсон 2010: 39-40). В такой обстановке монетное обращение на Дунае совершенно прекратилось (ИЕ 1988: 648-651), что в Тире произошло значительно раньше (Сон 1993: 56-58).

Каким образом в кровавых событиях IV в., вызванных сначала миграциями германцев, а затем гуннским нашествием, выжили потомки романизованных даков, остается только гадать. Румынские историки признают: начиная с готского времени, а тем более после гуннского завоевания бывшая Дакия переживала «состояние дезорганизации общества, в котором развитие стабильных социальных и культурных форм прервалось». Сохранившееся население обитало «в бедных и малочисленных деревенских поселках, расстояния между которыми колоссально выросли, что приводило их к изолированности друг от друга» (ИР 2005: 90).

Очевидно, вследствие названных объективных причин, раскрыть особенности дако-римского наследия в Карпато-Днестровском и смежных с ним регионах чрезвычайно сложно даже гипотетически. Всеобщая трудность кроется в отсутствии документальной базы для практических исследований. Этот факт раз за разом порождает у свободно мыслящих индивидов сакраментальный вопрос: «А был ли мальчик?»

Кстати, на исходе советской эпохи представители академической науки Молдавской ССР, с одной стороны, прямо констатировали, что о жителях оставленных Римской империей земель левобережной Дакии «нет никаких письменных свидетельств римских или византийских историков». Однако с другой, они все же делали шаг назад и допускали: романизованное население провинции ушло под натиском новых завоевателей из городов в горы, где «не могло оставить о себе письменных свидетельств» (ИМССР 1987: 180). В Румынии после падения режима Н. Чаушеску также появились отдельные публикации, звучавшие диссонансом многотонной массе трудов, созданных в духе становой идеи «единства и непрерывности» (Гросул 2014: 12-13).

Итак, основные вопросы, связанные с научной трактовкой процесса романизации предков румын и молдаван, остаются по-прежнему открытыми. Сохраняет силу и неутешительное заключение сорокалетней давности: «Наука в состоянии проследить путь молдавского народа протяжении одного тысячелетия, более ранняя его история теряется во тьме веков» (Мохов 1978: 4).

2. Славяне и волохи в Карпато-Балканских землях. Описывая историю «темных» времен, плохо обеспеченных источниками, румынские историки часто объединяют разнородные явления, события и процессы в один хронологический блок, длящийся до VIII в. Появление славян трактуется как сугубо негативное явление – вторжения «носили чисто грабительский характер», культура – «совершенно рудиментарная, зачаточная» и пр. (ИРДМ 1992: 178-179). Молчание источников о предшественниках румын объясняется удивительно просто: «миролюбивые народы» не попадали в произведения средневековых авторов, поскольку они отдавали предпочтение «воинственным фактам» (ИРСЭ 1992: 10-11). Более того, некоторые историки Молдовы даже предпочитали «пропустить» сразу несколько веков социально-политической эволюции населения региона (напр., ИРДВ 2001: 32-33). Наработки авторитетных предшественников (см. Панаитеску 1991: 6-7) иной раз попросту игнорировались

Только сравнительно недавно широко признано, что ряд элементов материальной культуры VI в. на территории Румынии «вероятнее всего, связаны с ранней моделью славянской цивилизации» – это жилища, каменные или глиняные печи, лепная керамика пражского и пеньковского типов, погребения-кремации в урнах. Говорится и об открытии на северо-западе страны славянских поселений «в чистом виде» (ИР 2005: 109-110).

Между тем, изучение эпохи славянской колонизации в Республике Молдова, несмотря на трудности, не прекратилось (см. РСЗ 2002). Последние достижения в исследовании проблематики показывают, что славяне пришли в Восточное Прикарпатье не позднее середины V в., застав здесь остатки германцев (Гавритухин, Казанский 2018: 333-349). Этот обезлюдевший регион оказался зоной взаимодействия склавинов и антов – носителей памятники пеньковской и пражской археологических культур. Вслед за ними сюда проникали болгары-кутригуры. При этом «остается археологически неуловимым так называемое местное романизированное население» (Рабинович 2018: 468-470).

Начавшееся в VII в. массовое переселение славян за Дунай стало, как полагают, основной причиной разрыва связей жителей на левобережье реки с Византией. Это событие называется «временем прекращения континуитета в истории Нижнего Подунавья» (ИР 2005: 110). Однако уже к концу VII в. в Карпато-Днестровских землях стали преобладать памятники Лука-Райковецкой культуры (или древности типа Хлинча-Яссы), возникшие на основе взаимодействия различных групп славянского населения (Рабинович 2018: 470-471). Почти одновременно на Нижнем Дунае происходит «новый тип культурного синтеза», положивший начало культуры Дриду, распространившейся со временем до Трансильвании и Днестра (ИР 2005: 110). На территории Бессарабии ее памятники объединяют в балкано-дунайскую культуру (см. РСЗ 2002: 67-131). Соседи из-за Прута упорно настаивали на «румынском» характере этой материальной культуры VIII–IX вв. и только десятилетия спустя признали ее «надэтнической» (ИР 2005: 110). Между тем этот, несомненно, сложный этнокультурный феномен определен в качестве «болгарской языческой культуры», датированной VII-IX вв. – временем существования Первого Болгарского государства (см. Рашев 2014), довольно долго властвовавшего над обширными территориями по обе стороны от Нижнего Дуная.

На современном уровне понимания реалий VIII–IX вв. констатируется, что упоминаемая византийскими авторами «Болгария за Дунаем» включала в себя ключевые пункты, контролировавшие «соляной путь» в районе Прахова – Бузэу. Археологические данные подтверждают присутствие болгар в крепости Слон, которая, вероятно, защищала ущелья неподалеку от соляных копий на юге Трансильвании (ИР 2005: 111). Хотя в литературе часто подымается вопрос о византийском влиянии в Балкано-Карпатском регионе, вряд его уровень можно связать с румынским этногенезом. Скорее следует говорить об активизации торговых контактов с империей, обусловленных наличием у Болгарии крупных объемов товара международного значения, в том числе и соли.

В северной части Карпато-Днестровского региона с IX в. проявилось воздействие другого государственного образования раннего средневековья – Киевской Руси. По сообщению летописца в 882 г. князь-варяг Олег захватил Киев, а уже в 885 г. он воевал с племенами уличей и тиверцев, которые жили в Поднестровье. Их владения доходили до Черного моря и Дуная, а в верховьях Прута и Днестра они смыкались с землями хорватов. В 907 г. тиверцы, как и хорваты, принимали участие в походе киевского князя на Константинополь (ПВЛ 1950: 14-16; ПСРЛ 1962: стб. 10-12, 16-21). По всей видимости, уже в 30-е гг. X в. уличи и тиверцы подчинились Киевской Руси. Так обитавшее в крае разнородное население (славяне, болгары, аланы, венгры) было вовлечено в «активные интеграционные процессы» по формированию самобытного локального варианта древнерусской культуры (Рабинович 2018: 474-476; ср. РСЗ 2002: 58 и др.).

Хотя в истории упомянутых народов еще много неясного и спорного (см. Крип’якевич 1984: 59-62) нельзя не вспомнить, что понятие «русин» фигури-

рует уже в договоре Игоря с греками 945 г. (ПСРЛ 1962: стб. 38, 40). Именно к концу правления этого киевского князя его власти подчинились и тиверцы, и уличи. Конечно, периферийное положение западных и юго-западных владений Игоревичей не обеспечивало полной покорности их жителей. Не следует забывать, что наименование «Русская земля» соотносилось лишь с небольшой территорией между Киевом, Черниговом и Переяславлем, превратившейся в вотчину киевских князей.

В этой связи понятно сообщение середины X в. о том, что для ежегодных морских походов на Константинополь с росами объединялись «их пактиоты, …и прочие Славинии» (Константин Багрянородный 1991: 45). Такую картину подтверждают события на Дунае 971 г., когда «пограничные варварские народы», которые «не отличались по обычаям» от заблокированных в Доростоле русских, из-за страха перед византийцами не оказали помощи воинам Святослава (ГИБИ 1965: 268, 270; РСЗ 2002: 100-101).

О контактах Восточного Прикарпатья той эпохи с Балканами (от низовий Дуная до Константинополя) свидетельствуют фольклорные материалы, являвшиеся частью живой культуры галичан еще полтора десятилетия назад. Речь идет о ватагах молодцов, спускавшихся в челнах «на тихий Дунай» и нанимавшихся на военную службу к правителям Болгарии и Византии. Упоминание «доброго пана Петра» относится, по всей видимости, к одноименному болгарскому царю, занимавшему преславский трон в 927-970 гг. (Соловьев 1988: 258, 322-323). Нельзя не видеть, что славянское движение к Дунаю как со стороны Киева, так вдоль Карпат продолжалось и в X в. Однако никаких сведений об участии в этих событиях восточных романцев (волохов / влахов) – еще нет.

Правда, летопись Нестора под 898 г. и венгерский «Аноним» отмечают называемое «волохами» / «влахами, вероятно, пастушеское население, которое в IX-X вв. или даже ранее сосуществовало в Среднем Подунавье со славянами. Можно думать, что в Паннонии и Трансильвании еще до венгерского завоевания находилась волошская «земля» или же «земли» (ИВ 1971: 103-105; Королюк 1979: 5-6). Затем упоминания о волохах на некоторое время исчезли из памятников средневековой письменности.

Еще одно известие о влахах приводит Иоанн Скилица. Этот византийский автор сообщает, что управлявшие в западной части Болгарии сыновья комита Николы, воспользовавшись смертью императора в 976 г., подняли восстание против ромеев. Старший из четырех братьев — Давид, погиб в Фессалии между Касторией и Преспой, убитый какими-то мигрирующими влахами (ИБ 1981: 400; Литаврин 2001: 133).

Относительно развернутая характеристика влахов впервые отмечена только в 1066 г. и опять же относится к Фессалии. Это свидетельство касается тесных отношений местных влахов-скотоводов с византийцами и болгарами (Кевкамен 1972: 259 и др.).

Во всех приведенных источниках речь идет о жителях Балкан, но не Кар-

пато-Днестровского региона. Показательно, что в условиях отсутствия убедительных оснований для выделения специфических восточнороманских древностей поиск таковых к северу от Дуная чрезвычайно затруднен. Нет и признанных индикаторов отдельно взятых элементов материальной культуры, оставленных предками молдаван, хотя попытки, порой массированные, решить этот вопрос учеными проводились (см. Рикман 1976: 232-249).

Скудные данные археологии и этнографии все еще не дают ответ на принципиальный вопрос о корнях культуры Карпато-Поднестровья, определивших «специфику сложившегося на данных землях этноса». Если вероятные романские корни были выкорчеваны здесь вслед за уходом края из-под власти Римской империи, то последующий этап этногенеза молдаван остается сводить к миграции влахов из сопредельных территорий (ср. Литаврин 2001: 130).

3. Этнополитическое многообразие Восточного Прикарпатья конца XI – первой половины XIII вв. Общее изменение геополитического положения Карпато-Балканского региона произошло с возращением границ Византии к Дунаю. В Нижнем Подунавье владения империи непосредственно соприкасались, прежде всего, с кочевыми степями тюркских орд, а также с Восточным Прикарпатьем, время от времени находившемся под контролем правителей Юго-Западной Руси.

Обособление Галицкой земли связывается с князьями-изгоями братьями Рюриком, Володарем и Василько Ростиславичами, которые появились в Прикарпатье в 1084 г. После смерти Рюрика (1094 г.) Володарю достался Перемышль и Звенигород, а Василько – Теребовль и Галич. На княжеском съезде в Любече (1097 г.) они добились признания своих прав на города края, а затем смогли отстоять их в вооруженной борьбе. Владимирко Володаревич (1124-1152) сделал в 1141 г. Галич своей столицей (Крип'якевич 1984: 68-73). Ожесточенные войны, ареной для которых стали пограничные районы, приносили огромный урон обитателям Прикарпатья. Поэтому труднопроходимые горы и леса превращались в убежища основной массы сельских жителей, особенно страдавших от вооруженных вторжений. Уход в малопригодную для земледелия глушь обусловил смену образа жизни – предпочтение отдавалось скотоводству и лесным промыслам.

Слабо населенное Прикарпатье не интересовало землевладельцев, а острая нужда в тружениках на рубеже XI-XII вв. существовала. Показательно, что Василько «хотел переять болгары дунайскыя и посадити я в себе» (ПСРЛ 1962: стб. 240). Эти намерения князя фиксируют обычные идеи и практику средневековых правителей.

До середины XII в. русских правителей знали на Западе как «королей», а государство со столицей в Киеве именовали «королевством». В одной из германских хроник под 1165 г. впервые встречается сообщение о русских «корольках». Возможно, речь идет о князьях из западнорусских земель (ДГ 1965: 424-430).

Арабский географ ал-Идриси (1154 г.) сообщает, что «Страна ар-Русийа» на западе ограничена Польшей, а на юге – Дунайской Болгарией («земля бурджан»), Черным морем и половецкими владениями. Согласно его описанию, Русь – «большая страна», состоящая из изолированных областей, в которых происходят «постоянные войны и усобицы», а одна от другой. Одну из них автор знал под именем «Галицкая земля» и называл города этой «наиболее отдаленной Руси». Два наименования – «Саклахи» и «Бармуни» – с разной степенью вероятности связывая с Сучавой и Пятра-Нямц. Вдоль Карпат через Переяславец в дунайской дельте купцы из Галицкой Руси направлялись в болгарские земли (Коновалова 1999: 124, 133-143; Коновалова, Перхавко 2000: 163-170).

С середины XII в. в Прикарпатье происходят перемены, связанные с деятельностью Ярослава Осмомысла (1153-1187). «Слово о полку Игореве» воспевает величие галицкого князя, который «заступил путь королю» через Карпаты и «суды рядил до Дуная» (Слово 1985: 30). Так источник представляет Ярослава Владимировича не правителем, а арбитром. Эпоха иерархических связей видела в договорных отношениях способ предотвращения конфликтов. Мир, вероятно, опирался на «ряд», заключенный между галицкими князьями, византийскими императорами и половецкими ханами.

Граница Византии проходила по Дунаю. Единоверная Русь контролировала группы соплеменников, спорадические расселявшихся в «ничейных» землях вдоль Карпат по направлению к Дунаю, а также сдерживала натиск кочевников из-за Днепра. Интересно, что Иван Берладник (см. Spinei 1982: 143-144; Коновалова, Перхавко 2000: 70-80; Рабинович 1999: 357-378), прежде чем «остановился в городах Подунайских», ходил за помощью «в поле к Половцам». Летопись в 1152 г. обозначила владения степняков как «вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром». Это положение сохранялось позднее – в 1188 и 1192 гг. (ПСРЛ 1962: стб. 455, 497, 659, 673-674, 742).

Нарушения «ряда» случались, но для его восстановления имелся судья. При Ярославе известно лишь одно нападение половцев на византийский берег в 1160 г. (Бибиков 1981: 121). Конфликт, по-видимому, спровоцировали действия берладников; которые тогда же «бяхуть Олешье взяли». В отместку за нападение на торговый центр у устья Днепра, из Киева, которому Ярослав отворял «врата», послали на челнах войско. Союзников Изяслава догнали и уничтожили в низовьях Дуная (ПСРЛ 1962: 505). Ранее отмечены только два малых набега половцев – в 1148 и 1152 гг. После первого, преследуя разорителей Дристры (Силистра), ромеи достигли горы, «возвышающейся вблизи пределов Тавроскифии», т.е. Галицкой Руси (Бибиков 1981: 117-121). Молчание византийского автора о существовании между Дунаем и Карпатами половецких «веж», обычной и желанной добычи воинов, вполне красноречиво.

Смерть Ярослава Осмомысла совпадает с уходом из Подунавья Византии. Образование Второго Болгарского царства усилило здесь роль половцев, которых в Тырново принимали как союзников и родственников (см. ИБ 1982: 37,

123, 124, 132, 147 и др.; Бибиков 1981: 123).

В такой сложной обстановке на рубеже XII-XIII вв. сложилось обширное княжество Романа Мстиславича (Крип'якевич 1984: 83-87). Он сумел укротить своевольное галицкое боярство и покорить «Половецкую землю» (ПСРЛ 1962: 715-719, 808). В 1200 г. «наихристианнейший русский народ» спас Константинополь от болгар и куманов. Опустошив половецкие вежи, Роман «устранил это зло, от которого ромеи непрестанно страдали». Однако поскольку среди самих «тавроскифов» спокойствия не было, князю пришлось «обагрить меч в крови своих соплеменников» (ГИБИ 1983: 65-66).

В многолетних усобицах после гибели Романа на троне сменилось 11 правителей, которые сами неоднократно приводили в галицкие земли то половцев, то венгров. В 1214 г. Венгрия и Польша даже заключили соглашение о разделе страны. Законный наследник трона Данила Романович (1202-1264) – с детства и до зрелого возраста несколько раз вынужденно покидал отчий престол (ИВ 1971: 143)

К началу XIII в. половцы продвинулись вплотную к Дунаю (ср. Spinei 1982:133-135). Но отношения болгар с соседями и союзниками были сложными. Царь Калоян (1197-1207) был предательски убит сторонниками «куманской партии». Столкновения с задунайскими половцами продолжились. Показательно, что в 1211 г. венгерский король поселил на юго-востоке Трансильвании тевтонских рыцарей, задача которых состояла в противостоянии Кумании, достигшей границ его страны.

Вместе с тем в спасении наследовавших Калояну племянников участвовали куманы левобережья Дуная. Именно они переправили братьев Ивана и Александра в Галицкое княжество, а в 1217 г. будущий царь Иван Асень II (1218-1241) осадил Тырново с помощью русских и половецких отрядов (DRHD 1977: 28; ИБ 1981: 147-149, 162). Так, благодаря половцам, военно-политические связи юго-западной Руси с Балканами не только не прекратились, но временами даже активизировались.

Особая обстановка в крае консервировала социальные устои отдельных групп населения, обособляя их от прежних административно-политических центров. Одна такая общность – «выгонцы Галицкие», однозначного понимания которой в науке все еще нет (РСЗ 2002: 203-209). «Выгонцы» объявились весной 1223 г. в расположении русско-половецкого войска у Днепра накануне сражения на Калке с конницей Чингисхана. «Невиданая рать» прибыла из Поднестровья на тысяче ладьях, чем смутила многих союзников. Поскольку необычная флотилия названа «олядии Рускых» (ПСРЛ 1962: стб. 742), их команды, скорее всего, составляли этнические славяне.

В то же время венгры изгнали тевтонов, а на захваченных за Карпатами землях в 1228 г. папа учредил «Куманскую епископию». В ее пределах проживали люди, ранее попавшие под влияние неких «лжеепископов, придерживающихся греческого обряда» (DRHD 1977: 20). Легко представить священников,

проповедующих по-славянски, но едва ли на греческом языке.

С 1227 г. по соседству с Куманской епископией упоминаются «бродники» (DRHD 1977: 14; Spinei 1982: 144-146; РСЗ 2002: 193-203). В письме Белы IV папе Иннокентию IV (1243-1354) перечислены приграничные с королевством страны, ставшие данниками татар: «Русия, Кумания, Бродники, Болгария». Король жалуется, что ему приходится сражаться с «различными неверными племенами вроде рутенов, бродников на востоке» (ЛИБИ 1981: 101). Очевидно, что бродники Карпато-Днестровских земель обитали севернее половецких и южнее галицких владений.

Никита Хониат повествует о победе в 1190 г. императора Исаака II Ангела над болгарами, их союзниками – «скифами» (половцами) и «теми из Бордоны, презирающими смерть, происходящими из тавроскифов, верными Аресу» (ГИБИ 1983: 101). Созвучие понятий «Бордона» и «бродник», а также родство с «тавроскифами» и языческая приверженность богу войны (Перуну?) обнаруживают славянство этого племени.

4. Извилистые пути волохов… Каждый исследователь, изучающий средневековую историю Молдавии, уже на начальном этапе своих поисков встречается с необходимостью принятия собственного решения «волошской проблемы», широко известной в литературе своей неподатливостью для однозначного понимания. В наше время на основе анализа письменных источников, произведений румынских и иных авторов, сделано вполне обоснованное заключение о том, что термин «влах» во всех его известных вариациях обозначает романские народности, но никак не тождественен сформулированному в XIX в. определению: «валах – это румын» (ИМ 2016: 56-58).

В такой трактовке легко улавливается идейно-политическая составляющая, напоминающая лозунг современных унионистов: «Молдаване – это румыны». Поэтому данный подход очень далек от объективности. Следуя же в русле научного поиска, следует получить ответ на вопрос: какие этнокультурные общности в действительности скрываются за наименованием «влахи», употреблявшимся разными народами в разное время, на территориях, нередко отделенных друг от друга огромными расстояниями?

Многолетнее изучение Балкан X-XII вв. показало, что византийские источники употребляют этноним «влахи» наравне с другими названиями народов, то и дело, обращая внимание на их различные характеристики – от особенностей хозяйства и быта до (гораздо реже) языка и происхождения. С конца XII в. наименование «влахи» отчасти вытеснило название «болгары» из северо-восточной части полуострова, а затем имело место обратное. Со времени османского завоевания XIV в. происходило «замутнение» этнического наполнения понятия «влахи», которое независимо от происхождения народа стали переносить на других балканских скотоводов (см. Литаврин 2001: 133-136).

Очевидно, что в такой ситуации каждый конкретно-исторический феномен, отмеченный влашской / волошской формой, должен быть разобран от-

дельно с учетом ее содержания. Если говорить о Карпато-Днестровских землях, очерченная задача в какой-то мере облегчена ограниченным кругом источников.

Хорошо известен описанный высокопоставленным византийским чиновником и выдающимся писателем Никитой Хониатом драматический эпизод с участием влахов, имевший место у границ Галиции. Его главной фигурой явился претендент на императорский престол Андроник Комнин, добившийся трона намного позже – в 1183-1185 гг. На этот раз, сбежав из-под стражи в столице, он с помощью проводников попытался скрыться от преследователей в юго-западных русских владениях. Однако когда казалось, что опасность уже миновала, а спасительная страна – совсем рядом, беглеца схватили прослышавшие о нем влахи и вскоре возвратили василевсу (ГИБИ 1983: 15). Хотя споры о северодунайском или южнодунайском происхождении упомянутых влахов продолжаются, это событие фиксирует своеобразие положения районов на стыке русско-византийских владений в 1164-1165 гг. (Тъпкова-Заимова 1976: 104-106).

С приведенным сообщением и высказанными соображениями непротиворечиво согласуются практически синхронные данные Иоанна Киннама – секретаря Мануила I Комнина (1143-1180) о действиях византийских войск, развернутых с 1166 г. против «гуннов» (в этом случае – венгров), обитавших на левом берегу Дуная, «рядом с землей тавроскифов», то есть русских. Он указывает, что в армии императора находилось «большое полчище влахов», которое получило приказ «вторгнуться в землю гуннов из мест у понта, называемого Эвксинским, откуда никто никогда во все времена не совершил на них набега». Исследователи полагают, что влашские отряды были набраны к югу от реки – на Балканах, поскольку поход через труднопреодолимые Карпаты требовал от бойцов умений действовать в привычных для них условиях. По всей видимости, не менее важным было и то, что балканские влахи, которые «некогда были переселенцами из Италии», легко налаживали контакты с родственными им по языку горцами соседних северных районов. Наблюдения над отличающимся достоверностью сведений текстом источника дают возможность более-менее уверенно утверждать, что во времена правления Мануила I Византийскую империю и Галицкую Русью разделяли территории, занятые закрепившимися на них кочевниками и влахами (см. Литаврин 2001: 137-139).

О влашском населении на левом берегу нижнего Дуная в конце XII в. как будто бы свидетельствует тот же Никита Хониат. Он сообщает, что весной 1199 г. «скифы вместе с частью влахов переправились через Истр», а затем совершили вторжение во Фракию, где в праздник Св. Георгия опустошили окрестности тамошних городков (ГИБИ 1983: 55). Несомненно, терминология византийского автора допускает, что в цитируемом пассаже речь идет о половцах и болгарах. Однако если это так, довольно объяснить: почему болгары должны были нападать на владения империи из-за Дуная? Пожалуй, более логично заключить, что здесь влахами названы реальные влахи. Вместе с тем, нельзя

отмахнуться и от признания отсутствия «даже самых спорных свидетельств о значительном переселении влахов в XII в. на левый берег Дуная» (Литаврин 2001: 140).

Между тем терминологическая рокировка отмечена и в текстах западных источников той эпохи. Так, например, один из представителей крестоносцев, захвативших в 1204 г. Константинополь, был свидетелем событий, разворачивавшихся в Нижнем Подунавье, и характеризовал геополитическую ситуацию в регионе следующими словами: «Кумания – это земля, которая граничит с Блакией» (Робер де Клари 1986: 47). Не остается сомнений, что в этом отрывка под Блакией понимается Болгария (см. Бибиков 1981: 126-128; ИБ 1981: 142).

Однако на противоположном берегу реки этнополитические реалии складывались по-иному, во всяком случае, в находившемся под юрисдикцией папы Куманском епископате. Не случайно Григорий IX в письме венгерскому принцу Беле (ноябрь 1234 г.) указывал, что местные «валахи» (Walathi) оказались невосприимчивыми к католицизму, поскольку руководствовались религиозными наставлениями неких «лжеепископов, придерживающихся греческого обряда». Судя по документу, под влиянием этих схизматиков пребывали даже католики – венгры и тевтоны (DRHD 1977: 20).

С Галицко-Волынским княжеством однозначно связаны летописные «болоховцы», сведения о которых датируются 1150-1257 гг. Известно, что не отличавшие верностью болоховские князья в 1241 г. покорились монголам. Завоеватели пощадили болоховцев, которые обязались производить для них пшеницу и просо. За измену они как «люди татарские» были в 1257 г. жестоко покараны Данилой Романовичем. Города «Болоховской земли» сожгли, а уцелевших людей рассеяли в основном по подвластным галицким князьям землям (ПСРЛ 1962: стб. 775, 792, 838; см. Дашкевич 1876). Эта группа населения, скорее всего, прямо связанная своим происхождением с волохами (Spinei 1982: 79-80), растворилась в русском этнокультурном пространстве между Галичем и Киевом.

Нельзя игнорировать возможности фиксации восточнороманского населения Карпато-Днестровского региона памятниками письменности того времени и под другими, менее характерными для них именами. В частности, еще двести лет было обращено внимание на сведения польских хронистов «о тивианцах, обитавших близ Днестра и служивших князю галицкому во XII веке». Это название было предположительно отнесено к населению Восточного Прикарпатья – тиверцам или волохам (Карамзин 1989: 194-195). Современное бращение к этому сюжету подкрепило вторую версию, согласно которой на стороне галичан в событиях 1182 либо 1288 г. действовали отряды наемных волохов – «избранных тибианцев». По одной из догадок их имя возводится к пастушеству как роду занятий – «чобань» (см. Рабинович 2000: 372-373).

В данном контексте имеет смысл иначе смотреть и на «выгонцев галицких», которые могут быть восприняты и как продукт волошско-славянского

синтеза. Гипотеза о доминировании в их этногенезе русинов, позволяет считать, что романско-славянские контакты к югу и северу от Дуная носили разнонаправленные векторы развития, зависевшие от более общих тенденций социально-политической эволюции.

* * *

Сегодня особенность источниковедческой ситуации по ранней истории средневековой Молдавии видится в том, что весь массив данных по рассмотренной проблематике более-менее хорошо известен и изучен исследователями последних десятилетий. Однако имеющийся корпус источников в силу разных причин не позволяет делать однозначных выводов.

Совсем в недавнее время под новым углом зрения на трудности понимания темы взглянули биологи. В частности, коллектив ученых из разных стран опубликовал в США статью, посвященную некоторым результатам исследования генетического фонда молдаван. Оказалось, что «в отличие от румын и большинства других балканских народов молдаване демонстрируют очевидное генетическое сходство с западными и восточными славянами». Речь идет о доминирующей у славян гаплогруппе R-M17, представленной у молдаван настолько широко, что они не образуют с румынами «кластер, который мог бы отделить их от соседних народов». Смешение со славянами, по всей видимости, и стало главным фактором, обусловившим молдавское своеобразие на генетическом уровне (The Genetic Pool of Moldavians 2013). Если это так, языковое родство отступает на второй план и ближайшие хрестоматийные родственники могут считаться условными. В таком случае реальных сородичей молдаван придется искать, как и прежде, к востоку от Карпат среди славян (ср. Мохов 1978: 6-7). В частности, типологически близкой, хотя и не легкой для понимания производной этого биосоциального синтеза мне представляются карпатские гуцулы (см. Шухевич 1899).

Содержание настоящего текста не вполне согласуется даже с «апробированными» утверждениями, восходящими к богатым традициям исторической литературы этнокультурного пространства восточных романцев. В мою задачу не входит всеобъемлющий историографический анализ, но я отдаю себе отчет в том, что именно долговременное наличие множества узких мест в понимании раннемолдавской истории открывает новые возможности для ее дальнейшего научного познания. В стремительный век информационных прорывов глобального характера надежду на достижение истины можно выразить старым афоризмом: Time is on our side!

Источники и литература

Арнольди С.С. 1898. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. Москва.

Бибиков М.В. 1981. Византийские источники по истории Руси, народов

Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980 год. Москва. С. 5-151.

Быстрицкий Е.К. 1982. Концепция понимания в исторической школе философии // Вопросы философии. № 11. С. 142-149.

Гавритухин И.О., Казанский М.М. 2018. О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь. С. 333-354.

ГИБИ 1965, 1983. – Гръцки извори за българската история. Т. VI, XI. София.

Гросул В. 2014. Молдавское движение до и после образования Румынии (1821-1866 гг.). Кишинев.

Дашкевич Н.П. 1876. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Эпизод из истории Южной России в XIII и XIV столетиях. Киев.

ДГ 1965. – Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. Москва.

ИАИ 1980. – Историография античной истории. Москва.

ИБ 1981, 1982. – История на България. Т. II, III. София.

ИВ 1971. – История Венгрии. Т. I. Москва.

ИЕ 1988. – История Европы. Т. 1: Древняя Европа. Москва.

ИМ 2016. – История Молдовы. Т. I. Страна Молдова в эпоху средневековья (XI – XVII века). Кишинев.

ИМССР 1987. – История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев.

ИР 2005. – История Румынии. Москва.

ИРДВ 2001. – История румын с древнейших времен до наших дней. Кишинэу.

ИРДМ 1992. – История румын: древний мир. Кишинэу; Яшь.

ИРМ 2015. – История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев.

ИРСЭ 1992. – История румын: средневековая эпоха. Кишинэу; Галаци.

Карамзин Н.М. 1989. История государства Российского. Т. I. Москва

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев.

Кевкамен 1972. – Советы и рассказы Кевкамена. Сочинение византийского полководца XI века. Москва.

Козленко А.В. 2007. Романизация в зарубежной историографии XIX-XIX вв. // Веснік МДПУ. С. 58-62. // https://cyberleninka.ru/article/n/romanizatsiya-v-zarubezhnoy-istoriografii-xix-xx-vv (13 марта 2018 г.).

Колосовская Ю.К. 2000. Рим и мир племен на Дунае I – IV вв. н.э. Москва.

Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. Москва.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. 2000. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. Москва.

Костантин Багрянородный. 1991. Об управлении империей. Москва.

Королюк В.Д. 1979. Термин «Волошская земля» в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). Москва. С. 5-17.

Крип'якевич І.П. 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.

ЛИБИ 1981. – Латински извори за българската история. Т. IV. София.

Литаврин Г.Г. 2001. Влахи в византийских источниках X-XIII вв. // Византия и славяне. Санкт-Петербург.

Мохов Н.А. 1978. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев.

ПВЛ 1950. – Повесть временных лет. Москва.

Панаитеску П.П. 1991. История румын. Кишинев.

Покровский М.Н. 1928. Общественные науки в СССР за 10 лет // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/ (14 февраля 2018 г.).

ПСРЛ 1962. – Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Москва.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или балканские волохи и русские волхвы // Stratum plus. № 5: Великая Скуфь. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 262-390.

Рабинович Р.А. 2018. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев; Тирасполь. С. 465-482.

Рашев Р. 2014. Българската езическа култура VII – IX век. София.

Рикман Э.А. 1976. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии (О древних источниках румынской народной культуры) // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Москва. С. 232-249.

Робер де Клари 1986. Завоевание Константинополя. Москва.

РСЗ 2002. – Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «…И разошлись славяне по земле» (Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв.). Кишинев.

Слово 1985. Слово о полку Игореве. Москва.

Соловьев С.М. 1988. Сочинения. Кн. I. Т. 1-2. Москва.

Сон Н.А. 1993. Тира римского времени. Киев.

Томпсон Э.А. 2010. Гунны. Грозные воины степей. Москва.

Тъпкова-Заимова В. 1976. Долни Дунав – гранична зона на византийския Запад. Към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. – София.

Шухевич В. 1899. Гуцульщина. Львов.

Энгельс Ф. 1884. Происхождение семьи частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. сочинений. Изд. 2. Москва. Т. 21. С. 28-178.

Brătianu G.I. 1993. O enigmă și un miracol istoric: poporul roman. Chișinău.

DRHD 1977. – Documentae Romaniae Historica. D: Relații între țările române. Vol. I. București.

Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI – XIV. București.

The Genetic Pool of Moldavians 2013. – Varzari A., Kharkov V., Nikitin A.G., Raicu F., Simonova K., Stephan W., Weiss E.H., Stepanov V. Paleo-Balkan and Slavic Contributions to the Genetic Pool of Moldavians: Insights from the Y Chromosome // http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0053731 (23 апреля 2018 г.)

Руссев Николай Дмитриевич *(Тараклия. Молдова). доктор хабилитат истории, заместитель ректора Тараклийского государственного университета «Григорий Цамблак» по научно-исследовательской деятельности.*

E-mail: nrussev@mail.ru